

«Дни» творения в книге Бытие 1: Буквальные «дни» или фигуральные «эпохи/периоды» времени?

I Введение

Возросшее в последние десятилетия внимание к креационизму, «научному творению»¹, «науке о происхождении»² и «теистической науке»³ создало атмосферу, в которой старые вопросы вновь рассматриваются под специфическим углом и с особой детальностью. Один из связанных с этим вопросов касается значения слова «день» в Быт. 1:1–2:3.

Природа описания Творения в книге Бытие с шестью «днями» (Быт. 1:5–31), за которыми следует «седьмой день» (Быт. 2:2, 3), вызывает особый интерес, поскольку обычно ее понимают как обозначение краткого периода в одну неделю. Этот краткий период времени в рассказе о Творении вызывает споры в связи с современной натуралистической теорией эволюции.

Налицо резкий контраст между кратким периодом времени в описании Творения и длительными эпохами, необходимыми для натуралистической эволюции.

В настоящей статье мы попытаемся выполнить несколько связанных друг с другом задач: 1) озвучить некоторые методологические подходы и представить краткую историю толкования; 2) привести недавно опубликованные репрезентативные высказывания ученых, предполагающих, что «дни» Творения являются длительными эпохами или периодами времени, а не буквальными двадцатичетырехчасовыми днями; 3) предоставить данные из первой главы Бытия и сопоставить их с другой информацией из Ветхого Завета; 4) применить к тексту Быт. 1 стандартный

лингвистический и семантический анализ, требуемый для серьезного изучения и основанный на последних научных достижениях.

II Методологические наблюдения и история толкования

Знание некоторых аспектов в истории интерпретации «дней» Творения в Быт. 1 может оказаться полезным с точки зрения методологии толкования. Знание исторической информации помогает современному комментатору осознать, что считать, будто лишь после публикации Чарльзом Дарвином эпохальной работы «Происхождение видов» (1859 г.) «дни» Творения в Бытии были переведены в небуквальные периоды времени, будет совсем неправильно. Задолго до этого руководство небиблейскими соображениями уже заставляло многих исследователей отходить от буквального понимания «дней» Творения.

1 Некоторые средневековые взгляды на «дни» Творения. Отец церкви Ориген Александрийской (ок. 185 г. н. э. – ок. 254 г.), практиковавший и отстаивавший аллегорический метод толкования⁴, считается первым, кто пришел к выводу, что «дни» Творения являются аллегорическими, а не буквальными⁵.

Августин (354–430 гг. н. э.), самый известный из латинских Отцов церкви, вслед за Оригеном утверждал, что «дни» Творения следует понимать аллегорически, а не буквально⁶. Августин считал, что Господь сотворил мир в единый момент времени.

И здесь необходимо поразмыслить о некоторых методологических аспектах. Ни Августин, ни Ориген не думали ни о какой эволюционной концепции. Они воспринимали «дни» Творения как небуквальные, обозначающие нечто иное, потому что с философской точки зрения было принято приписывать Богу творческую деятельность, не связанную с человеческим временем. Поскольку «дни» Творения связаны с Богом, утверждалось, что эти «дни» должны представлять собой связанные с Богом философские понятия, рассматриваемые именно в философском

ключе.

В греческой философии Бог вне времени. Поскольку «дни» Творения являются частью Божественной деятельности, предполагалось, что их также следует понимать вне контекста времени. На учение Оригена и Августина оказывала влияние греческая философия, а не научные доводы, что и вело их к пересмотру буквального толкования «дней» Творения.

Объединяет подобный подход с современными попытками толкования, также воспринимающими «дни» Творения как нечто отличающееся от прямого смысла этого слова, то, что оба они основываются на влиянии учений, находящихся вне самого библейского текста.

Средневековые богословы, считавшие «дни» Творения небуквальными, основывали свои рассуждения на небиблейских, языческих философских моделях мира.

Сегодня уже другой фактор, находящийся за пределами библейского текста, заставляет толкователей изменять, казалось бы, простой смысл слова «дни».

В настоящее время таким фактором являются научные гипотезы, основанные на натурализме, в частности, современная теория эволюции, которая и стала толчком для такого изменения.

Мышление средневековых католических богословов находилось под влиянием аллегорического метода толкования, принятого в Александрийской школе.

Концепция четырех смыслов Священного Писания была принята в средневековый период⁷ и по-прежнему поддерживается современной официальной Римско-католической церковью⁸. Три небуквальных смысла Писания (аллегория, аналогия, тропология) одержали верх и более тысячи лет имели первостепенное значение в христианской традиции, предоставляя герменевтические средства для пересмотра буквального толкования смысла «дней» Творения.

2 Понимание «дней» Творения в эпоху Реформации. Реформаторы шестнадцатого века практически были едины в том, что четыре смысла Писания искажают буквальный смысл Библии, лишая ее авторитета для веры и жизни. Они настаивали на том, что единственный, истинный смысл Священного Писания – буквальный, простой смысл текста.

Одним из главных достижений протестантской Реформации стал возврат к Писанию. Это означало, что Библии не нужны внешние ключи для толкования – ни Папа Римский, ни церковные синоды, ни философия или другие человеческие авторитетные источники. Ясность и точность Писания стала нормой того времени; его понимание исходя из собственного контекста стало первостепенным. Ему не должны навязываться какие-то внешние значения, как это было принято в средневековом католицизме. Библию нужно было читать в ее буквальном и грамматическом смысле⁹.

Мартин Лютер, соответственно, отстаивал буквальное толкование повествования о Творении: «Мы утверждаем, что Моисей говорил в буквальном смысле, не аллегорически или фигурально, т. е. что мир со всеми его существами был сотворен за шесть дней, как гласит текст»¹⁰. Другие реформаторы понимали «дни» Творения так же.

Это буквальное и грамматическое толкование, известное в истории герменевтики как историко-грамматический метод, стал нормой библейского толкования на протяжении всего девятнадцатого столетия¹¹.

3 Перемены под влиянием модернизма. По мере того, как концепция длительных периодов времени в понимании происхождения Земли прочно укрепила свои позиции после публикаций Джеймса Хаттона (1726–1797 гг.) и Чарльза Лайеля (1797–1875), некоторые христианские богословы-конкордисты стали толковать «дни» Творения в Бытии в небуквальном смысле. Повод для такого толкования был найден не в самой Библии, а в

новом мировоззрении, которое развивалось на основе униформизма и сопутствующего ему понимания происхождения мира, требующего длительных периодов времени.

Понимание «дней» Творения как «дней восстановления»¹², «дней откровения»¹³, а также как эпох в миллионы лет (теория «дней/эпох»)¹⁴ зародилось именно в этот период, и подобные временные рамки, необходимые для изменений в природе, были установлены новой геологией. Небуквальное толкование «дней» стало типичным для конкордизма, признававшего длительные эпохи в истории Земли¹⁵. В свете этих тенденций был сделан вывод о том, что внешние влияния, обусловленные новым пониманием геологических эпох, и стали катализатором для нового толкования «дней» Творения.

4 Недавние тенденции в толковании среди конкордистов. В последние десятилетия конкордисты все чаще пытаются толковать «дни» Творения в повествовании о Творении в книге Бытие небуквальным способом, чтобы привести в соответствие длительные периоды, необходимые по теории эволюции, и временные рамки, указанные в библейском тексте о Божественном Творении.

Общепризнанным является тот факт, что долгая и противоречивая история отношений между наукой и Священным Писанием повлияла на современное понимание Библии¹⁶. Наиболее ярким примером этого следует, вероятно, назвать переход от мировоззрения Птолемея к точке зрения Коперника¹⁷.

Не секрет, что далеко не христианское мировоззрение Птолемея было принято средневековыми богословами как подлинно христианский и библейский взгляд на Землю. Земля считалась не только центром Солнечной системы, но и всей Вселенной. Подобное представление поставило церковь перед серьезной проблемой, когда гелиоцентрическая система Коперника стала общепринятой и оказалась практически неопровержимой.

С методологической точки зрения модель интерпретации, которую использует ученый как толкователь данных, наблюдаемых в науке, в значительной степени предопределяет результаты всего предприятия, а также значение данных, полученных из неприродных источников, включая Библию. Общепризнано, что «научные теории влияют на библейское толкование, по меньшей мере, в том смысле, что становятся поводом для переоценки толкования отдельных текстов»¹⁸. Возникает важный вопрос: не является ли такая переоценка навязыванием конкордистами библейскому тексту смысла, чуждого Священному Писанию, понимаемому в его собственном контексте.

Здесь возможны два варианта: 1) Переоценка на основании научных заключений может привести к толкованию библейских текстов, которое допускается в рамках контекста и цели всего Священного Писания в целом. В этом случае переоценка не нарушает внутренних норм целостности и единства Писания.

2) Переоценка библейского текста может привести к заключению относительно значения отдельного библейского текста или отрывка, которое не согласуется с современной научной гипотезой. Для тех, кто считается с абсолютным авторитетом Библии, это должно вести к переоценке такого заключения, полученного при анализе данных учеными. Последнее, в свою очередь, может повлиять на научную теорию или на науку в широком смысле, «по меньшей мере, приводя нас к вопросу о том, являются ли заключения, полученные из научной теории, подтвержденными, или, может быть, в некоторых случаях вся теория в целом является недостоверной»¹⁹.

5 Внутренний авторитет Священного Писания. Некоторые исследователи занимают позицию, согласно которой научная теория по своей природе и широте принятия более приоритетна, чем Священное Писание²⁰. Объем настоящей статьи не позволяет полностью раскрыть данный вопрос во всей его сложности. Достаточно сказать, что Библия понимается как результат Божественного откровения, написанная под влиянием свыше, и она

обладает критерием авторитета, которого нет у так называемой книги природы. Обладая более высокой степенью авторитета, Священное Писание может помочь в толковании книги природы, предлагая более полную модель толкования, чем та, которую можно ожидать от чисто натуралистического подхода.

Сохраняя свою внутреннюю целостность, Библия вряд ли заслуживает того, чтобы подстраивать ее толкование под знание, получаемое социологией, историей, другими науками. Писание, опираясь на свою собственную природу и авторитет, обладает собственным цельным смыслом и присущими ему притязаниями на истину. Они выглядят еще более убедительно при внимательном изучении Библии с помощью здравых методов толкования, соответствующих свидетельству самого Писания и коренящихся в нем. Это означает, что авторитет Священного Писания заключен в нем самом; он основывается на откровении и коренится в факте богодухновенности.

Самодостаточность Священного Писания, о которой мы говорим, не означает, что любой вопрос, возникающий в какой-либо другой сфере познания, такой как наука, история, социология и так далее, нельзя обсуждать в связи с Библией. Но есть большая разница между тем, чтобы задавать новые вопросы, касающиеся Писания, и тем, чтобы навязывать Писанию чуждый ему смысл.

III. Фигуральное понимание «дней» творения

1 Типичные доводы в пользу длительных эпох. Цель нынешних попыток толковать «дни» Творения в Быт. 1 иначе, чем прямое значение этого слова, часто обозначается довольно открыто. Несколько цитат уважаемых ученых говорят сами за себя.

Джон К. Л. Гибсон, британский ученый, утверждает, что первую главу Бытия следует понимать как «метафору»²¹, «сказание» или «притчу»²², а не как прямое изложение хода Творения. В своем комментарии на книгу Бытие, опубликованном в 1981 году, он пишет следующее: «Если понимать «день» как «эпоху» или «эру», то можно привести последовательность Творения в главе в

соответствие с современной теорией эволюции и тем самым сделать шаг к восстановлению репутации Библии в наш научный век... Поскольку этот довод начинается с попытки выйти за пределы буквального значения и ведет к пониманию недели, отведенной для Творения, как аллегии, указывающей на намного более длительный период, он должен быть принят»²³.

В 1983 году немецкий комментатор Хансйорг Браумер заявил: ««День» Творения, который, согласно описанию, включал в себя «утро» и «вечер», – это не единица времени, которую можно определить с помощью часов. Это Божественный день, в котором тысяча лет как минувший день вчерашний [Пс. 89:4]. Первый день Творения – это Божественный день. Он не может быть днем земным, поскольку мерило времени, солнце, еще не существует. Поэтому понимание Творения в ритме миллионов лет не повредит рассказу о нем»²⁴.

Д. Стюарт Бриско, американский прогрессивный креационист, также затрагивает этот вопрос в своем комментарии на Бытие: «Натуралист убедительно говорит о миллионах лет и эрах эволюции, в то время как верящий в Библию человек смотрит на шесть дней Творения и думает, что вообще ему делать... Вовсе не лишено основания убеждение, что слово «день» (евр. уот), которое вполне буквально можно перевести как «период», относится не к буквальным дням, но к эрам и векам, в течение которых совершалась прогрессирующая работа Бога»²⁵.

Подобных объяснений сегодня достаточно много, и обычно они исходят от исследователей, находящихся в конкордистском лагере. Конкретнее, они принадлежат к ветви «открытых конкордистов», которых в последнее время ассоциируют с прогрессивным креационизмом²⁶.

2 Анализ и оценка текстов Пс. 89:4²⁷ и 2 Петр. 3:8. Псалом 89:4. Давайте начнем с рассуждений, касающихся текста Пс. 89:4. Этот стих повторяют вновь и вновь как указание на то,

что «дни» Творения должны пониматься не буквально, а как длительные периоды/эпохи/эры.

Псалом 89:4 гласит: «Тысяча лет для Тебя как минувший день вчерашний, как время стражи ночной для спящего»²⁸. Сразу же привлекает внимание сравнение длительного периода в тысячу лет с «днем вчерашним» и «стражей ночной». Этот библейский текст в еврейском оригинале содержит сравнительную частицу, и ее на русский язык лучше перевести как «подобно» или «как».

С точки зрения еврейского синтаксиса она относится не только к выражению «день вчерашний», но и к фразе «как время стражи ночной». Применяется к обеим фразам. Это означает, что сравнивается не только «день», подобный тысяче лет. Тысяча лет с Господом «подобны» дню вчерашнему, то есть прошедшему, или «страже ночной», еще более короткой, чем «день вчерашний». Смысл в том, что Бог воспринимает время иначе, чем люди.

Первая глава Бытия не ставит своей целью показать, как Бог воспринимает время. Контекст Творения в Бытии говорит о «днях» в смысле времени Творения, в которое Бог сотворил этот мир и посредством которого Он установил недельный ритм. Быт. 1 не объясняет и не обсуждает, как измеряется время для Бога, но говорит о том, как «дни» Творения установили норму для последующих дней в недельном цикле времени.

Более того, в Быт. 1 сравнительная частица, такая как «подобно» или «как» в связи с использованием слова «день», отсутствует. Тот факт, что со словом «день» или выражением «вечер и утро» не использована сравнительная частица, указывает на то, что сравнение здесь не подразумевалось. Сравнение не было целью первой главы. Главное здесь – отрезок времени, который использует Господь для создания мира, и идентичность этого временного периода семидневной неделе в ритме исторического времени.

С точки зрения контекста, а также грамматики, синтаксиса и семантики применение текста Пс. 89:4 к Быт. 1 некорректно.

Отсутствуют соответствующие лингвистические и фразеологические критерии сравнения. Создается впечатление, что те, кто сравнивают «дни» в Быт. 1 с «днем вчерашним» и «стражей ночной» или 1000 лет в Божественном времяисчислении, сравнивают яблоки с апельсинами.

Следует упомянуть еще одно возражение против понимания «дней» Творения как длительных периодов времени: если понимать «шесть дней» как шесть эпох Творения, это создает возможность существования некоего до-адамова *homo sapiens*²⁹. Иными словами, замена буквальных «дней» длительными периодами заставляет усомниться в том, что Адам и Ева были первыми людьми, сотворенными Богом на Земле.

Третья сложность связана с тем фактом, что псалом 89 не относится к Творению. С точки зрения контекста псалом 89 не касается вопроса о том, как Бог воспринимал «дни» Творения, но говорит о том, как люди должны воспринимать время, если сравнивать его с временем в Божественной реальности.

В-четвертых, псалом 89 даже не содержит слово «день» в отдельности. В стихе 4 оно используется в лингвистической связи, при которой два слова синтаксически объединяются. В русском языке такое лингвистическое единство обозначается одним словом «вчера». Но «вчера» в Пс. 89:4 параллельно выражению «как время стражи ночной», то есть очень краткому интервалу времени. Это значит, что тысяча лет сравниваются не просто с днем, а с кратким периодом времени.

Если подвести итог, Пс. 89:4 не определяет значение слова «день» в первой главе Бытия. В свете упомянутых проблем и других существующих сложностей³⁰ неудивительно, что многие из тех, кто сегодня придерживается «теории дней/веков» как решения конфликта между наукой и религией, воздерживаются от обращения к стиху Пс. 89:4. Этот текст, рассматриваемый в своем собственном контексте, не имеет никакого отношения к длительности «дней» Творения.

2 Петр. 3:8. Открытые конкордисты для подтверждения теории дней/веков используют также стих 2 Петр. 3:8: «У Господа один день – что тысяча лет, и тысяча лет – как день один». Некоторые воспринимают этот текст как «библейское» математическое равенство: «Один день равен тысяче лет» в буквальном смысле. Другие считают, что тысяча лет означают длительный период, эру и тому подобное. В таком случае они утверждают, что «один день равен длительному периоду времени» или «один день равен эпохе».

Необходимо отметить, что те, кто ссылается на этот текст, сталкиваются с несколькими проблемами:

1) во 2 Петр. 3:8 нет контекста Творения; 2) во 2 Петр. 3:8 есть сравнительная частица, которой нет в Быт. 1; 3) текст 2 Петр. 3:8 используется не в буквальном смысле, считается, что в нем тысяча лет означает «эпоху» или что-то подобное; 4) стих 2 Петр. 3:8 говорит о том, что Господь не ограничен временем и не подчиняется ему, выполняя Свои обетования.

Ллойд Р. Барли, открытый конкордист, достаточно точно описал цель данного текста: «Текст 2 Петр. (3:8) неверно использовался теми, кто упоминал его в связи со словом „день“ в первой главе Бытия... Скорее, цель этого текста – указать на то, что Господь „не медлит с исполнением обещанного... Он очень терпелив... и хочет, чтобы никто не погиб“ (3:9; см. ст. 4). Иными словами, Бог не подчиняется времени в том же смысле, что и человек (« хотя и говорят иные о промедлении», ст. 9). Значит, задача в том, чтобы заявить о верности Господа обетованиям, а не определить значение слова «день» в первой главе Бытия»³¹.

Похоже, лучше позволить тексту 2 Петр. 3:8 говорить в своем контексте, а не использовать его для чего-то такого, что не связано с ним тематически, контекстуально или лингвистически.

3 «Дни откровения»? Некоторые исследователи придерживаются сегодня мнения, что «дни» Творения на самом деле являются

«днями откровения».

Популярность этой теории принес в девятнадцатом веке шотландский геолог Хью Миллер³². В прошлом веке П. Дж. Вайзмэн придал ей новое дыхание в своей публикации «Творение открыто за шесть дней», появившейся впервые в 1946 году и перепечатанной еще раз в 1977 году³³.

Согласно данному толкованию, Господь не создал мир за шесть дней, но «открыл» и объяснил человеку за шесть буквальных дней то, что создал прежде за длительные периоды времени. Повторяющаяся фраза «и сказал Бог» воспринимается как подтверждение теории о том, что «дни» Творения на самом деле являются «днями откровения». Согласно данной теории, нет никакой необходимости утверждать то, что мир был сотворен недавно или что Творение произошло за шесть буквальных 24-часовых дней.

Справедливо было замечено, что «теория дней откровения», называемая также «теорией видения», по большому счету основывается на «неверном понимании слова «создал» в Исх. 20:11»³⁴, которому Вайзмэн почему-то придал значение «показал»³⁵.

«Показал» – это неверное значение еврейского слова 'asah. Ни один еврейско-английский словарь не подтверждает такое значение слова. Слово 'asah, которое в Ветхом Завете встречается более 2600 раз, означает «делать, производить, изготавливать и т. д.»³⁶, но оно ни разу не употребляется в значении «показывать» ни в Ветхом Завете, ни во внебиблейских еврейских источниках³⁷. Значение «показать» придумано ради этой теории. В свете данного факта неудивительно, что «теория дней откровения» не получила большой поддержки³⁸.

Таким образом, современные открытые конкордисты стремятся толковать первую главу Бытия неким «фигуральным, символическим

или иным вольным образом, понимая «дни» в Быт. 1 как длительные периоды времени³⁹. Их цель – подстроиться под современные утверждения теории эволюции о длительных периодах времени. Основываясь на этой гипотетической временной шкале, они толкуют Священное Писание таким образом, чтобы привести библейское повествование о Творении в некое соответствие с натуралистической эволюцией. Те, кто пытаются подправить Писание в угоду конкордизму, известны как открытые конкордисты.

Их следует отличать от более строгих конкордистов – ученых с равными эрудицией и умениями. Они также стремятся гармонизировать науку и религию.

Однако они не пытаются навязать библейскому тексту «свободное прочтение». Эти исследователи согласны с тем, что значение текста должно основываться на внутренних критериях языка и его использовании в соответствии с общепринятыми стандартами лингвистики. Они согласны с тем, что контекст Священного Писания первостепенен и что лингвистические стандарты должны следовать здравым грамматическим и синтаксическим правилам. Таким образом, строгие конкордисты полностью осознают существующие противоречия, но противостоят тому, чтобы навязывать библейскому тексту смысл, не подтвержденный здравым лингвистическим анализом.

IV Литературный жанр первой главы Бытия

1 Спор о литературном жанре/форме. В своем недавно опубликованном комментарии на книгу Бытие протестантский автор Виктор П. Хэмилтон выражает позицию, что «дни» в первой главе Бытия необходимо понимать не фигурально и не метафорически, а как буквальные, 24-часовые солнечные сутки⁴⁰. Однако, подобно открытым конкордистам, он является сторонником длительных периодов времени и потому заинтересован в том, чтобы привести библейский текст в соответствие с современными естественными науками. Он призывает к так называемому «литературному

прочтению Быт. 1, [которое] все же позволяет сохранить «день» как 24-часовые солнечные сутки⁴¹. Как это может быть?

Хэмилтон говорит о «литературном прочтении» рассказа о Творении в книге Бытие. «Литературное прочтение» позволяет ему понимать «дни» Творения в буквальном смысле, но «не как хронологическое изложение того, сколько часов Господь потратил на Свой творческий проект, а как аналогию Божьей творческой деятельности»⁴². По его мнению, 24-часовые «дни» в первой главе Бытия – лишь «аналогия», основанная на «литературном [неисторическом] понимании» рассказа о Творении в Бытии.

Такой взгляд на «литературное прочтение» связан с Чарльзом Хаммелем⁴³. Данный автор считает, что даже если «дни» Творения должны обозначать 24-часовые солнечные сутки, как он и предполагает, «все еще остается вопрос, является ли [литературный] формат фигуральным или буквальным, то есть является ли он аналогией Божьей творческой деятельности или хронологическим изложением того, как много часов Он [Бог] трудился»⁴⁴. Хаммель уверен, что здесь важно «кто» и «почему» в Творении, но не «как», и поэтому эта «аналогия является моделью для трудовой деятельности человека»⁴⁵.

Теория «аналогии» подразумевает понимание буквальных «дней» как «метафоры», использующей «общее (или общепринятое, если хотите) значение слова» (слова «день») «в фигуральном смысле»⁴⁶. Аналогияперенос, предложенная теорией «аналогий», изымает схему шести дней труда и одного дня отдыха из хронологических рамок и превращает их в модель работы и отдыха, применимых к человеку.⁴⁷

Какой бы привлекательной ни казалась теория аналогии, проблема по-прежнему остается, и заключается она в том, чтобы найти контекстуальные и литературные основания для понимания «дней» как аналога труда/отдыха в контексте первой главы Бытия и Библии в целом. Хаммель вынужден (вслед за Хэмилтоном)

изменить классификацию литературного жанра первой главы Бытия с прямого описания Творения на жанр, обозначенный как «полупоэтическое повествование»⁴⁸, обладающее значимостью. Этот жанр соотносится с «историко-культурным» подходом к Творению⁴⁹.

Очевидно, что на более поздних конкордистов отчасти оказала влияние критика формы и ее жанровый метод толкования. Начало критике формы, одной из разновидностей историко-критического метода, было положено на рубеже веков Германом Гункелем, которого считают отцом критики формы⁵⁰.

Гункель поднял вопрос: «Является ли повествование в книге Бытие историей или легендой?»⁵¹ Он был убежден, что «многое, описанное в Бытии... открыто противоречит нашим лучшим знаниям»⁵². Мысль о «наших лучших знаниях» – это основная предпосылка Гункеля, согласно которой натуралистический эволюционный взгляд задает авторитетную норму того, что есть история, а что легенда. Таким образом, он предположил, что литературный жанр книги Бытие – не история, а «легенда». Гункель был первым либеральным ученым, кто отнес повествование о Творении в книге Бытие не к литературному жанру истории как изложения фактов, а к иному жанру. Его примеру последовали другие либеральные исследователи, неоортодоксальные богословы, а теперь и часть неопротестантских авторов из числа открытых конкордистов.

Хотя необходимости в том, чтобы дать исчерпывающее описание всех литературных жанров, к которым предлагалось отнести книгу Бытие, нет, следует все же упомянуть некоторые основные попытки. Карл Барт, отец неоортодоксальной теологии, считает первые две главы Бытия «сагой»⁵³ и, конечно же, неисторическим повествованием. С. Х. Хук, лидер ритуалистической школы, утверждает, что повествование в Бытии – это «культовая литургия»⁵⁴. Гордон Уенхем, неопротестантский автор, считает его «гимном»⁵⁵. Уолтер Брюггеман, либеральный нонконкордист,

предполагает, что это «поэма»⁵⁶. Клаус Уэстерман, сторонник критики формы, называет его «рассказом»⁵⁷.

Джон Х. Стек, открытый конкордист, утверждает, что это «метафорическое повествование»⁵⁸. Герхард фон Рад, сторонник традиционной критики, относит его к «доктрине»⁵⁹. Другие считают это повествование «мифом»⁶⁰, «притчей»⁶¹, «историей», «теологией»⁶², «аллегорией» и другим.

Учитывая великое множество современных взглядов на природу литературного жанра повествования о Творении в Бытии, следует сделать несколько важных наблюдений.

1) Очевидный консенсус в том, что относительно литературного жанра первой главы Бытия единого мнения нет. Из-за этого подход, основанный на рассмотрении литературных жанров для небуквального прочтения Быт. 1, кажется односторонним.

Поскольку единого мнения не существует, внимательный исследователь должен быть крайне осторожным, чтобы избежать искушения популярного стремления определить литературный жанр первой главы Бытия с целью пересмотреть заложенное в ней буквальное значение. С самого начала, от Гункеля и до нынешних дней, основное намерение представителей критики формы, предлагающих различные жанры, заключалось в том, чтобы перестать рассматривать Быт. 1 как историческое и фактологическое по своей природе повествование⁶³.

2) Подход, в основу которого положен поиск «литературных жанров», представляется как еще один способ, использованный нонконкордистами, отказа от рассмотрения текста Бытия как авторитетного, буквального повествования, которое отражается на взаимоотношениях между наукой и Библией. Верно замечено, что «то, как Бог раскрывает историю Творения, должно само по себе подтверждаться Писанием»⁶⁴, без того, чтобы обращаться к описанию критикой формы литературных жанров, из которых убран

элемент историчности.

3) Толкователи, придерживающиеся подхода «литературных жанров» с целью извлечь повествование о Творении из реальности его буквального значения, считают себя свободными понимать «дни» Творения в буквальном и грамматическом смысле.

Использование подхода «литературных жанров» ограничивает значение 1-й главы Бытия мыслеформой, не требующей фактического, исторического понимания произошедшего. Пересмотр толкования рассказа о Творении в соответствии с подходом «литературных жанров» имеет своей целью не дать рассказу о Творении формировать понимание современных читателей о том, «как», «каким образом» и в какое время Бог сотворил мир. Он просто стремится минималистически признать, что Бог есть Творец. И это признание задумывается как богословское, а не научное утверждение, не влияющее на то, как появились и затем развивались мир и Вселенная.

Подход «литературных жанров» основан на методологии литературной критики⁶⁵, которая должна приписывать повествованию о Творении в целом функцию, отличающуюся от исторического и фактического изложения. В таком случае уже неважно, считать ли «дни» Творения 24-часовыми буквальными сутками, поскольку все повествование, включая и «дни» Творения, не имеет исторического и фактического значения.

2 Бытие 1: буквальное или фигуральное значение? Остается вопрос, является ли рассказ о Творении в первой главе книги Бытие в целом буквальным или фигуральным повествованием⁶⁶. Отвечая на вопрос о природе, цели и функциях первой главы, следует заметить, что ее часто воспринимают как часть более обширного отрывка Быт. 1–11. Принято считать, что эти первые главы книги Бытие содержат сингулярности, то есть неповторяющиеся, единичные события, не имеющие прямых аналогов в настоящем. Что думают современные историки об этих сингулярностях? Достаточно широко распространен в современной

историографии принцип аналогии (см. Эрнст Трельч), заключающийся в том, что ничто в прошлом опыте не может считаться историческим, если не соответствует нынешнему опыту⁶⁷. Этот принцип базируется на понятии общего единообразия человеческого опыта и исторических событий⁶⁸. Принцип аналогии утверждает, что прошлое можно понять, лишь применяя к нему опыт нынешний. Последовательное применение этого униформистского основания к принципу аналогии приводит к отрицанию историчности и фактичности большей части первых одиннадцати глав Бытия, включая описание Творения в Быт. 1.

Может и должен ли униформистский принцип аналогии приниматься как определяющая норма в понимании прошлого?⁶⁹ «Проблема возникает, когда униформизм [прошлого и настоящего] возносится до уровня универсального принципа, что ведет к неприятию некоторых свидетельств», – пишет активный сторонник принципа аналогии и модернистской историографии⁷⁰. Подобное признание проблемы требует большой осторожности в применении униформистского принципа аналогии.

Так, людям известны современные события, которые уникальны и не имеют параллелей в прошлом.

К примеру, двадцать пять лет назад первый человек ступил на Луну. Такого прежде не было. Еще один пример – использование атомных бомб для разрушения двух японских городов в 1945 году. Такое разрушение никогда не происходило прежде и является уникальным событием в настоящем. Можно вспомнить и множество других единичных событий.

Поэтому, подобно тому, как сегодня существуют сингулярности, как рукотворные, так и иного порядка, то есть существуют реальные события и ситуации, у которых не было аналогов в прошлом, существовали сингулярности, не имеющие аналогов сегодня и в прошлом. К примеру, Р. Г. Коллингвуд, известный британский философ истории, отметил, что древние римляне пытались контролировать демографическую ситуацию, подвергая

новорожденных смерти.

Сегодня среди попыток контроля населения аналогов этому нет⁷¹.

Помня об этих ограничениях принципа аналогии⁷², неразумным было бы отвергать рассказ о Творении как неисторический и нефактический из-за того, что ему нет аналогий в нынешнее время. Первая глава книги Бытие повествует об уникальных событиях, которые можно считать столь же реальными, историческими и фактическими, как и другие единичные события в настоящем или прошлом. Есть все основания придерживаться мнения о том, что первая глава Бытия является изложением фактов о происхождении мира, пригодного для жизни. Это повествование точное, истинное и историческое.

3 Первая глава Бытия в сравнении с литературными источниками прошлого. С точки зрения чисто сравнительного подхода к литературной структуре, языковым моделям, синтаксису, лингвистическим особенностям, терминологии, порядку изложения событий в описании Творения первая глава Бытия ничем не отличается от всей остальной книги Бытия⁷³ или, если уж на то пошло, всего Пятикнижия.

Если сравнивать ее с библейскими гимнами, то рассказ о Творении не является гимном; если сравнивать с библейскими притчами, это не притча; если сравнивать с поэзией в Библии, это не поэма; если сравнивать с литургией, то это не литургия. Если сравнивать эту главу с различными литературными формами, рассказ о Творении не является метафорой, сказанием, притчей, поэзией или еще чем-то подобным.

Недавнее исследование литературных форм в Бытии 1–11, проведенное на основе современной сравнительной ближневосточной литературы, пришло к заключению, что «мы имеем дело с жанрами исторической повествовательной прозы с вкраплениями списков, источников, высказываний и поэтических строк»⁷⁴. Это достаточно взвешенное описание содержания первой

главы Бытия.

Подробное изучение литературных форм в первой главе показало, что мы имеем дело с литературным жанром «прозы/генеалогии»⁷⁵. Даже Гункель уже давно заметил, что книга Бытие – это «проза».

Он также утверждал, что она «очень художественна в своей структуре и имеет некие ритмические конструкции»⁷⁶. Непоэтическая природа первой главы Бытия свидетельствует о том, что подразумевалось понимание ее в обычном смысле как прямое и точное описание сотворения мира.

Воспринимая информацию, заключенную в первой главе, с точки зрения сопоставления ее с другой древней ближневосточной литературой, можно заключить, что «книга Бытие не имеет параллелей в древнем мире ни с чем, кроме Библии»⁷⁷. Бытие 1 – наиболее связанное и глубокое описание, рожденное в древнем мире, того, «как», «когда», «кем» и «каким образом» был создан мир. Ему нет параллелей в древнем мире ни в одной литературе. Есть отрывки, которые можно сравнить с различными мифами и домыслами о космогонии, но библейский рассказ о Творении как единое целое является уникальным для древнего мира по своей связности и всеобъемлемости⁷⁸.

4 Литературная форма первой главы Бытия в ее библейском контексте. Важным представляется проанализировать литературную форму в отрыве от «литературных жанров» критики формы, описанных выше.

Джон Х. Стек предполагает, что «литературный тип [1-й главы Бытия], насколько известно на данный момент, не имеет строгих параллелей, он в своем роде уникален»⁷⁹. Как уже было отмечено ранее, форма и содержание первой главы в целом не имеют параллелей в древнем мире⁸⁰. Заключается ли уникальность первой главы Бытия в том, что ее не следует понимать как буквальную по замыслу? Безусловно, подобно тому, как Творение само по

себе является уникальным, то и рассказ о Творении неизбежно должен быть уникальным. Но вряд ли он является уникальным в литературном смысле, который исключает его восприятие как фактическое, точное и историческое повествование.

Судя по его связи с последующим содержанием книги Бытие (и Библией в целом), рассказ о Творении (Быт. 1:1–2:3) можно однозначно отнести к определенной литературной форме. Рассказ о Творении в первой главе Бытия – это историческая прозаическая летопись, написанная в ритмическом стиле, излагающая фактически и точно то, «что» произошло во время сотворения «неба и земли», описывающая время, «когда» это произошло, процесс того, «как» это было сделано, и называющая Богом Того, «Кто» совершил все это. Результатом Творения стал безупречный и «весьма хороший» мир с природой, максимально подходящей для жизни сотворенного человека.

Данная историческая прозаическая летопись Творения указывает на определенную последовательность событий Творения через хронологические, последовательные и буквальные «дни». Эти «дни» положили начало последующему историческому течению времени, разделенному на недельные циклы, столь необходимые для жизнедеятельности людей и всей природы, находящейся под Божьим абсолютным управлением.

В этом смысле первая глава Бытия является первобытной историей⁸¹ начала времен, которая с момента недели Творения определила все последующее развитие истории мира и человечества.

Герхард Хазел

Продолжение следует

По материалам Института Библейских Исследований ЕАД

Источник: logosinfo.org